

А. Л. ШАПИРО

О «ПОЖИЛОМ» СУДЕБНИКОВ 1497 и 1550 гг.

В статье 57 великокняжеского Судебника 1497 г. говорится: «а христианом отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина». Далее мы находим уточнение, касающееся крестьян, недолго проживших в волости: «А которой христианин поживет за ним год, да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет, да поидеть прочь, и он полдвора платит, а три годы поживет, а поидет прочь, а он платит три четверти двора, а четыре годы поживет и он весь двор платит».¹

Какова природа пожилого? Для историков, которые видели в крестьянах XIV—XVI вв. бродячих арендаторов, ответ на этот вопрос был ясен и прост: пожилое есть арендная плата за пользование усадебными постройками, нечто вроде квартирной платы крестьянина землевладельцу. Однако такая трактовка вопроса вызывала недоумения даже у тех историков, которые ее придерживались и проповедовали.

М. А. Дьяконов, очень вдумчивого исследователя, смущало то обстоятельство, что годовая арендная плата за постройки взималась в размере четверти их стоимости, «чего нельзя не признать чрезмерно высоким».² Обнаружив эту странность, М. А. Дьяконов так и не нашел ей объяснения.

Еще большее недоумение должен был вызвать тот факт, что арендную плату свободный съемщик платил за те постройки, которые, как правило, возводились его собственными руками. М. А. Дьяконов, правда, писал, что «пожилое взималось, конечно, в тех случаях, когда крестьянин поселялся в готовом дворе».³

¹ Судебники XV—XVI веков. Под общей ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952, стр. 27.

² М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 3. СПб., 1910, стр. 329.

³ Там же.

В тех же случаях, когда он сам возводил дворовые постройки, крестьянин якобы мог уходить без уплаты пожилого. Но никаких фактов в пользу такой трактовки пожилого М. А. Дьяконов не привел. Даже в случаях, когда крестьянин-новоприходец получал двор с постройками, возведенными его предшественниками, он принимал обязательство старые хоромы «починивати» и новые «ставити». Между тем закон не сокращал размеры пожилого в соответствии с масштабами восстановительных и строительных работ, произведенных крестьянином.

Даже руководствуясь чисто формальными критериями, пожилое невозможно подвести под категорию арендной платы: ведь его платили не при пользовании усадьбой, а лишь при прекращении этого пользования, к тому же оно выплачивалось в равных размерах, когда крестьянин сидел во дворе 4 года и 40 лет.

В эпоху феодализма вообще и в России XVI в. в частности существовали разнообразные формы арендных отношений. Нам известны случаи, когда один феодал брал на оброк землю у другого, когда в качестве арендаторов выступали посадские люди, когда крестьяне одного феодала арендовали землю у другого феодала. Наконец, иногда крестьяне брали на оброк у своего собственного феодала землю сверх тяглого надела.

В аренду сдавались пожни, рыбные угодья, пахотные земли, а также деревни и доли деревень со всеми относящимися к ним угодьями.⁴ При этом земля сдавалась на определенный срок (урочные годы) и за плату, точно определенную договором (мытной записью, записью о взятии на празгу, о сдаче на оброк и другими документами, а может быть, и устным договором). В случае многолетней аренды празга вносилась не при прекращении договорных отношений, а в процессе пользования угодьями, как правило, ежегодно. Иногда проводились торги, и угодья сдавались «с наддачи».

На арендованной земле возникало хозяйство разного типа: известны случаи, когда арендатор принимал крестьян и половников, чаще он обрабатывал землю силами своей семьи. Дошли также отдельные упоминания об арендаторах, которые нанимали наемных работников.

Но при всех этих различиях земля, взятая в аренду, и тяглая земля, находящаяся в пользовании крестьян-дворовладельцев, различается в наших источниках. Крестьянское тягло отличалось от арендной платы тем, что оно являлось бессрочным и определялось господином по традиции или по произволу. В XVII в. пустые земли отдавались иногда в аренду (на оброк) «до жильца»,

---

⁴ Судя по книге сбора празговых и оброчных денег куропольского церковного прикащика от 1619 г., арендная плата поступала «с поль», с поженок, с островов и полуостровов, с деревень, с полудеревень, «с трех доль деревни», с шестой доли деревни (РИБ, XII, 1890, стлб. 45—49).

т. е. до того момента, когда на пшх можно будет посадить постоянного тяглеца.⁵ В документах Иверского монастыря XVII в. мы встретили любопытный термин «ожиление» земли, который означает, что угодья, ранее сдававшиеся в аренду, переведены в крестьянское вытное тягло.⁶

Это противопоставление арендатора и жильца не случайно. Оно присуще правосознанию XV—XVI вв. «Жить у» монастыря, у боярина, или у помещика, «жить за» ними в крестьянах значило в большей или меньшей степени подчиниться их сенъериальному праву, подвергаться в той или иной форме внеэкономическому принуждению. При этом крестьяне находились во внеэкономической зависимости именно от тех феодалов, за которыми жили. Аренда дополнительных участков земли у других феодалов не приводила к двойной зависимости. Из празги вытекали только обязательства своевременного взноса арендной платы. Если крестьянин брал на празгу какие-либо угодья и не жил за землевладельцем, сдавшим эти угодья, он не обязан был платить ему пожилое.⁷ Приведем пример: в 1572 г. в Холмогорской епархии была сдана на празгу церковная пахотная земля на Войбутострове. Срок аренды был определен в один год, размер арендной платы — 2 гривны.⁸ Трудно представить, что, взяв всего на год участок, арендатор затем должен был, кроме оговоренной договором празги, заплатить не оговоренное в договоре и превышающее празгу в два с половиной раза пожилое.

Слово «пожилое» происходит от слова «жить». Пожилое платили покидавшие свой двор жильцы. Но его не платили арендаторы угодий, не имевшие в покидаемом феодальном владении двора. Это явствует из текста статей о крестьянском отказе, в которых говорится о дворах, платящих пожилое, и из порядных на угодья, в которых никогда и ничего не говорится о пожилем.⁹

⁵ Киевские университетские известия, 1912, № 8, стр. 5—8.

⁶ Книга сбора оброчных пустошных денег Старорусских погостов 1695 г. Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, кн. 339, л. 33.

⁷ Тем более это относится к арендовавшим земли феодалам и посадским людям.

⁸ РИБ, XIV, 1894, стр. 90.

⁹ Труднее решить вопрос о пожилем в тех случаях, когда крестьянин подряжался в деревню или часть деревни на определенный срок (3, 5, 6, 10 лет) и за точно оговоренную годовую плату землевладельцу. То обстоятельство, что размеры платежа и сроки держания точно оговаривались договором, сближает его с договором аренды. Но крестьянин обязывался жить в течение договорного срока за землевладельцем и во дворе, стоящем на его земле. Он подчинялся сенъериальной власти землевладельца. Нередко оговаривалось также, что он обязывался «цареву и государеву дань и оброк и службы и всякие государевы подати с волостными людьми платити вместе» и «участвовать в волостных разметях» (РИБ, XIV, стлб. 91—115). Порядная грамота приобретала уже черты, сближавшие арендатора с жильцом. И мы не можем утверждать, что при такого рода порядке, устанавливавшем отношения, лежащие где-то между

В отличие от арендной платы пожилое не выплачивалось систематически в процессе пользования двором. Наоборот, его нужно было платить лишь тогда, когда пользование двором прекращалось.

Из историков-марксистов, показавших несостоятельность теории бродячей Руси и доказавших, что отношения землевладельцев и крестьян во времена Судебников, как и до их появления, нельзя характеризовать как арендные отношения буржуазного права, больше других сделал Б. Д. Греков.

Б. Д. Греков решительно выступил против господствовавшего в исторической литературе второй половины XIX—начала XX в. представления о русском крестьянине как свободном, кочующем сямщике чужой земли, против представления о «волнующемся, жидком состоянии» общества древней Руси, против тезиса о присутствующей будто бы русскому человеку привычке к бродяжничеству. Б. Д. Греков привлек внимание к слабым протестам против этой концепции, которые раздавались уже в буржуазно-дворянской литературе, и привел целый арсенал показаний источников, которые никак невозможно было с этой концепцией согласовать.¹⁰ Естественно, Б. Д. Греков отказался и от представления о пожилом Судебников как об арендной плате за постройки. В то же время мы не можем считать пожилое выкупом за личность отказывающегося из волости крестьянина.

По мысли законодателя, пожилое надлежало платить с двора вне зависимости от того, сколько жителей его покидало. Вероятно, после Судебника 1497 г. землевладельцы стремились брать пожилое с каждой уходящей семьи (во дворе могло жить две и более неразделенных семей). Судебник 1550 г. считает такие притязания землевладельцев незаконными. В статью о крестьянском отказе включается разъяснение, согласно которому пожилое надлежит «имати с ворот». Как видим, законодатель не рассматривал пожилое как плату за личность уходящего; ведь эту последнюю никак невозможно было идентифицировать с воротами.

Крестьянин, по Судебникам, не был крепостным и сохранял право перехода. Но закон стоял на страже интересов землевладельца и оберегал его от материального ущерба, связанного с крестьянским переходом. В законе проявлялась забота о получении феодалом ренты. С этой целью назначался срок перехода после окончания сельскохозяйственного года и выплаты повинностей. Подводная повинность выполнялась, как правило, после Юрьева дня по зимнему санному пути, поэтому Судебник 1550 г. назначал специальную плату за повоз.

отношениями землевладельца и арендатора и господина и тяглеца, пожилое не выплачивалось.

¹⁰ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1946, стр. 616—622.

Закон учитывал и еще одно существенное обстоятельство: когда крестьянин уходил, он забрасывал свою усадьбу, двор становился пустым. Новый жилец приходил не сразу, за время пустоты рента не шла, а постройки приходили в негодность.¹¹ Пожилое и являлось возмещением ущерба, который нес землевладелец от временного запустения двора.

При этом учитывалось, что восстановление двора было гораздо легче осуществить, если рядом с усадьбой стоял хоромный лес. В этом случае припелецу, который сядет на место ушедшего крестьянина, можно будет предоставить меньшую льготу и он сможет сравнительно быстро поставить хозяйство на ноги. Поэтому пожилое «в лесех» было ниже пожилого «в полях». Потеря землевладельца от ухода старожилца была более значительной, чем потеря от ухода новоприходца, не успевшего еще палатить хозяйство и возвести все дворовые постройки и платившего уменьшенные повинности. Поэтому Судебники предусматривали уменьшенный размер пожилого для крестьян, просидевших в волостке всего год, два или три.

Пожилое являлось как раз такой повинностью, которая соответствовала формам земельной собственности и внеэкономического принуждения, господствовавшим в России XV—XVI вв. Землевладелец не являлся тогда собственником крестьян, но был собственником всех земель, находившихся в их пользовании. Это относится и к усадьбе. Вне зависимости от того, строили ли крестьяне свои избы, саран, клетки, сенники и другие постройки сами или получали их после прежнего жильца, в качестве собственника усадьбы выступал феодал. Крестьянский двор со всем его хозяйственным обзаведением был средством обеспечения доходов землевладельца. Для феодального хозяйства и права характерна поэтому ответственность крестьянина перед господином за состояние своего крестьянского хозяйства. Тут-то и возникали специфически феодальные, юридические основания для взимания пожилого при запустении двора.¹²

Не находясь еще в крепостной зависимости, крестьянин конца XV и середины XVI в. подвергался все же внеэкономическому

---

¹¹ При одном судебном разбирательстве середины XVI в. новоприходец говорил: «а переждал меня, господине, Корежемского мон. старец Михайло потому, чтобы, господине, хоромы не опустошены были» (РИБ, XII, стлб. 130).

¹² Можно провести параллель между пожилым, которое взималось, если крестьянин оставлял двор в определенный законом срок, и неустойкой, которую землевладелец брал, если крестьянин не приходил и не возводил (или не приводил в порядок) двор в оговоренной порядной грамотой срок. Так, в 1581 г. Мелентий Макарьев порядился поставить себе на земле монастыря Успения богородицы в Твери двор и платить затем с этого двора оброк. «А не поставлю яз Мелентей двора на монастырской земле и не учну жити, ино на мне Мелентей по сей записи 10 рублей денег» (АЮ, 1838, стр. 197).

принуждению, которое вместе с правом земельной собственности должно было обеспечивать получение владельческого дохода. И сеннериальные права, и государственные законы, и неравноправность договоров (порядные грамоты), и прямое насилие использовались для бесперебойного получения феодальных повинностей. Когда же крестьянин уходил, ущерб феодала должно было компенсировать пожилое.

В какой же степени пожилое могло компенсировать потери, которые землевладелец нес в связи с крестьянским выходом? Для ответа на этот вопрос обратимся к новгородским писцовым книгам, которые составлялись в то самое время, когда был принят Судебник 1497 г. Обработка содержащихся в писцовых книгах данных позволила установить средние размеры (см. таблицу) владельческих повинностей с крестьянского двора в трех пятинах (Водской, Шелонской и Деревской).¹³

Средние размеры владельческих повинностей в конце XV—начале XVI в.
(в деньгах московских)

Пятина	Средние размеры владельческих повинностей с коробы папши	Среднее число коробей на один крестьянский двор	Средние размеры владельческих повинностей на крестьянский двор
Водская	35.8	3.9	140
Шелонская	30.4	4.96	151
Деревская	31.6	2.26	71
Среднее по трем пятинам	33.0	3.2	105.6

Итак, в Шелонской пятине пожилое, выплачиваемое крестьянским двором при отказе (полтина=100 денег), было в полтора раза ниже средних владельческих повинностей двора. Так дело обстояло, если двор находился близко к хорошему лесу. Если же он стоял «в полях», пожилое превышало повинности на 32%.

В Деревской пятине картина была иной. Здесь дворы были менее населенными, чем в Шелонской пятине, и имели значительно меньшую запашку (меньше учтенной писцами пахотной земли). Поэтому в Деревской пятине пожилое «в лесех» превышало на 41% средние годовые повинности двора. Если же двор стоял далеко от хорошего леса (здесь это, вероятно, бывало не часто), пожилое превышало повинности почти в 3 раза.

¹³ По двум остальным пятинам сохранились недостаточные данные от конца XV—начала XVI в. Таблица составлена по данным книги: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, стр. 331, 346.

В Водской пятине «в лесех» пожилое было ниже средних годовых повинностей на 40%, а «в полах» — выше на 70%. Если судить по небольшому числу сохранившихся источников, в Бежецкой пятине картина была схожей.

Итак, в Новгородской земле (без северной Обонежской пятины и колоний) пожилое либо было немногим ниже годовых повинностей, либо равнялось им, либо («в полах») превышало их в 1½—2 и даже 3 раза. Средний размер повинностей равнялся «в лесех» годовому, а «в полах» — двухгодовому доходу землевладельца от двора.

Таким образом, землевладелец, которому сразу удавалось заселить оставленный участок, мог без ущерба для своего бюджета освободить нового поселенца от уплаты повинностей на год или даже на два года. Поскольку речь идет об окультуренном участке, а не об освоении целины, большие льготы и не практиковались.

Положение существенно менялось, если нового жильца долго не удавалось найти. В этом случае пустошь не приносила дохода (или небольшой доход, если сдавалась в аренду за фиксированную плату); постройки приходили в негодность, земля зарастала лесом, и новому поселенцу нужно было давать более продолжительную льготу, а то и подмогу.

Однако, обращаясь к тем же новгородским писцовым книгам, мы легко убеждаемся в том, что в конце XV—начале XVI в. количество дворов быстро возрастало. В Водской и Шелонской пятинах в промежутки времени между старым (конец 1470-х—начало 1490-х годов) и новым (середина 1490-х—середина 1500-х годов) письмом число дворов увеличилось примерно на 10%, а в Деревской пятине — почти на 22%. Правда, пустые дворы встречались во всех пятинах, что прежде всего объясняется крестьянскими переходами. Но, во-первых, пустых дворов было сравнительно немного, во-вторых, заселение пустых дворов в условиях быстрого роста населения не встречало, очевидно, затруднений в тех случаях, когда условия жизни в данной волостке не были хуже, чем в других.

Из сказанного следует, что переход с выплатой пожилого не причинял еще в конце XV—середине XVI в. особого ущерба землевладельцам. Рачительный хозяин мало или вовсе не страдал от ухода крестьянина. Зато он выигрывал, перезвав к себе нового жильца на целину и увеличив тем самым свои владения и доходы. Видимо, это относится как к старым вотчинникам, так и к помещикам. У нас нет оснований считать, что только помещики были заинтересованы в праве перехода.¹⁴ Ведь до 1570-х годов в поместье давались не пустые, а населенные земли, а в создании слобод и распашке новых земель были заинтересованы все

¹⁴ Ср.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 642—644.

категории феодальных землевладельцев, причем у крупных было больше возможностей для привлечения повоприходцев, чем у мелких. Мне представляется необоснованным предположение, что статьи Судебников о крестьянском отказе отражали специфические интересы помещиков и были направлены против старого крупнобоярского вотчинного землевладения.

Б. Д. Греков справедливо говорит, что источники XVI в. позволяют нам отчетливо видеть крестьян, переведенных от одного феодала к другому.¹⁵ Но был ли крестьянский выход — по Судебнику 1497 г. — обязательно переводом работника, осуществляемым на средства нового господина, или это мог быть также уход крестьянина, предпринимаемый им самим и на свои собственные средства? Попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на повгородские материалы, которые открывают значительно более широкие возможности, чем материалы, относящиеся к центру страны. Определяя нормы, которыми надлежало руководствоваться при замене натуральных оброков денежными, правительство оценивало в конце XV в. коробью ржи в 10 денег новгородских. Соответственные оценки были установлены для других хлебов: овес — 5 денег, ячмень — 7 денег, пшеница — 14 денег.

Несмотря на колеблемость коробы, источники позволяют приравнять ее приблизительно к 7 пуд. ржи. Таким образом, в период принятия Судебника 1497 г. пуд ржи стоил в Новгороде около 10/7 денег, или 1.43 деньги.

Учитывая соотношение озимой ржи и других хлебов в урожае, собиравшемся крестьянами, и цены на эти культуры, мы можем определить примерную цену условного пуда хлеба, получаемого крестьянами конца XV в. Эта цена равнялась 1.3 деньги новгородской.¹⁶ Как известно, повгородская деньга при Иване III была вдвое дороже московской.¹⁷ Таким образом, в переводе на московские деньги условный пуд хлеба должен быть оценен в 2.6 деньги. Чтобы получить полтину (100 денег), нужно было продать 38.5 пуда, а чтобы получить рубль (200 денег) — 77 пуд. условного хлеба.

Средний размер запашки крестьянского двора в Новгородской земле (без северной Обонежской пятины) равнялся в конце XV — начале XVI в. 3.2 коробы ржи в поле, или почти 9.5 га в трех полях. Такая запашка приблизительно соответствовала возможностям малой семьи (муж, жена и дети, не достигшие брачного возраста), если у этой семьи была одна лошадь.¹⁸ Принимая

¹⁵ Там же, стр. 724.

¹⁶ Аграрная история Северо-Запада России, стр. 40.

¹⁷ Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1965, стр. 64.

¹⁸ А. Л. Шапиро. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России. Проблемы отечественной и всеобщей истории, [Л.], 1969, стр. 67—68.

урожай ржи сам-4, мы можем полагать, что доход двора от хлебопашества составлял (после засыпки семян) примерно 140 пуд. хлеба, или 360 денег. Доход от животноводства и технических культур можно оценить примерно в 25% стоимости зерновых, или в 90 денег. Итого около 450 денег.

Расходы среднего новгородского двора на питание, фураж и уплату повинностей можно оценить примерно в те же 450 денег. Но крестьянские дворы имели еще довольно значительные доходы от леса и реки (рыба, мед, дичь, грибы, ягоды). Таким образом, средний новгородский крестьянский двор мог, вероятно, при известном напряжении сил и средств и ограничении расходов на семейное потребление собрать полтину, необходимую для выплаты пожилого «в лесех». При урожае сам-5 такую сумму можно было собрать без особого напряжения.¹⁹

Вспомним, что в конце XV—начале XVI в. было много дворов с запашкой, превышавшей 9.5 га. В Шелонской пятине на помещичьих землях средний надел крестьянского двора равнялся 4.7 коробы, или около 14 дес., а на государевых оброчных землях — даже 5.2 коробы, или около 15.5 дес. пашни. Для таких зажиточных многопосевных дворов выплата пожилого и вовсе не составляла трудностей.²⁰

Чем более зажиточными и «семьянистыми» были дворы, тем легче им платить пожилое. Очевидно, после первого Судебника землевладельцы стремились взыскивать его в двойном размере, если отказывающийся из волости двор состоял из двух неразделенных семей. Но мы видим, что Судебник 1550 г. твердо установил, что пожилое должно взиматься не с семьи, а «с ворот».²¹ Когда за воротами жила неразделенная семья со значительной запашкой и несколькими головами рабочего скота, то собрать полтину или рубль можно было сравнительно легко.

Б. Д. Греков писал, что тяглые люди, которых он идентифицировал со старожильцами, пользовались законным правом перехода как до, так и после издания Судебника 1497 г. Об этом свидетельствуют грамоты XV в., в которых говорится о старожильцах, ушедших из вотчин. Из контекста грамот явствует, что этих старожильцев рассматривают как людей, которые «не бегут, а расходятся, не нарушают права, а пользуются своим правом, что их не силой возвращают на свои места, а призывают обратно, давая при этом даже некоторые льготы».²²

¹⁹ Аграрная история Северо-Запада России, стр. 363—366.

²⁰ При посеве в 5 коробей и урожае сам-4 двор собирал, сверх семян, 105 пуд. ржи. Если яровых собирали столько же, двор получал 210 пуд. Пожилое «в лесех» составляло лишь 13.7% стоимости этого хлеба, а «в поле» немного превышала по стоимости четверть собранного за год урожая хлебов.

²¹ Судебники XV—XVI веков, стр. 172—173.

²² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 630.

В то же время Б. Д. Греков полагал, что это право в массовом масштабе применялось только под влиянием больших общенародных бедствий. Голодовки, эпидемии, внутренние феодальные и внешние войны заставляли старожильцев уходить и давали господину надежду на их возвращение. «Если бы уход старожильцев в данных случаях был протестом против жестокостей и несправедливостей хозяина, едва ли бы пришлось говорить о добровольном возвращении ушедших».²³ Конечно, стихийные бедствия и военные потрясения могли служить толчком к переходу крестьян-тяглецов из-за относительно тяжелых условий обложения и в поисках более благоприятных условий. Это явление не массовое, но распространенное.

В 1505 г. «прислал князь великий грамоту к дьяку своему к Обреску Иванову сыну Микитина, а велел описать да и оброку сложити с волостки, что была за Олешкою за Мякиншим в поместье, того дья, что писец Матвей Валуев, положил на те деревни оброк тяжел, и иные деревни с того оброку запустили» в Новгородском уезде в Шелопской пятине в Сумерском погосте.²⁴ По старому письму, в волостке было 26 деревень и 42 двора. К 1505 г. запустили 2 деревни, а дворов ubyло 4. В рассматриваемое время такая небольшая убыль дворов вызвала беспокойство правительства.

Иногда в писцовых книгах конца XV—начала XVI в. встречаются такие записи: деревня пуста, «писана была обжею, а земли под ней положжи» или деревня пуста, «писана была двема обжами, а земли под нею на обжу».²⁵ Деревни запустили потому, что на обжу оказывалось меньше пахотной земли, чем обычно приходилось в данном районе. При описании волости Буйцы Деревской пятинны писец привел перечень запустевших деревень: «Дер. над Шиговым, пуста: писана была обжею, а земли под нею на положжи. Печицо в Заходе: писано обжею, а земли пашенные и нет. Дер. Сельна пуста: писана была 2 обжами, а земли под нею на положжи».²⁶ В перечне названо 10 запустевших селений, в отношении девяти сказано, что обженое тягло не соответствовало земельному наделу.

В писцовых книгах есть описания имений, в которых между старым и новым письмом были значительно повышены повинности и числилось немало пустых дворов.²⁷ Крестьяне не уходили с насиженного места без острой необходимости, так как процесс хозяйственного обзаведения на новом месте был со-

²³ Там же, стр. 631.

²⁴ НПК, т. V, СПб., 1905, стлб. 423.

²⁵ НПК, т. II, СПб., 1862, стлб. 346, 409, 527, 88; т. III, СПб., 1868, стлб. 63 и др.

²⁶ НПК, т. II, стлб. 823.

²⁷ НПК, т. II, стлб. 418—419.

пряжен не только с огромными трудовыми усилиями, но и с неизбежными лишениями. Землевладельцы использовали свою власть, чтобы затруднить переходы крестьян-тяглецов. И все же крестьяне-тяглецы несомненно пользовались своим правом перехода, чтобы снизить бремя повинностей.

Переходы и угроза переходов являлись одним из важнейших факторов экономического развития страны в XV—первой половине XVI в., они сдерживали рост владельческих повинностей, побуждая феодалов к умеренности даже в условиях возрастающих потребностей господских семей.

Если первая половина статьи «о христианском отказе» касалась крестьян, издавна живших в волостке, то вторая половина относилась к крестьянам-новоприходцам. Со двора, заселенного за год до отказа, полагалось всего 25 денег пожилого «в лесех» и 50 денег «в полех». В переводе на хлеб это составляло 9.6 и 19.2 пуда. Со двора, заселенного за два года до отказа, надлежало брать пожилое, равное по стоимости 19.2 («в лесех») и 38.4 пуда («в полех»). Со двора, заселенного за три года до отказа, следовало взыскивать сумму, равную по стоимости 28.8 и 57.6 пуда. И лишь двор, заселенный за четыре года до отказа, платил такое же пожилое, как всякий двор старожильца, издавна жившего в волостке и тянувшего все государственные и владельческие повинности.

Означала ли эта шкала пожилого, что новоприходцы (у Б. Д. Грекова они фигурируют под именем новоподрядчиков) находились в более благоприятных условиях, чем старожильцы, и пользовались большей свободой перехода по сравнению с этими последними? Чтобы ответить на поставленный вопрос, попытаемся выяснить, каковы были особенности экономического и податного положения новоприходцев. Некоторые из них жили в починках, учтенных писцовыми книгами конца XV—начала XVI в. Приведем типы описаний этих селений.

1. «Починок Онцифорик Петрушин, сел ново, пашни и дохода нет».²⁸ Варианты такой же записи: «Почипок Вожков, сел после письма: двор Давыдко Юрьин, без пашни»;²⁹ «Почипок Корост: двор Федорко Труфапов, пашни нет, сел ново, в обжы не положен».³⁰ Под «доходом» тут понимается владельческий доход. До поры до времени севший пашню крестьянин ничего не платит владельцу. Под «пашней» понимается окультуренная, разделенная на поля запашка. Подсека писцами не учитывалась. Но севший пашню крестьянин, очевидно, сразу припимался за расчистку леса и посев хлеба.

2. «Починок Жырятка: дворо Фролко Костин. севт ржы 2 ко-

²⁸ НПК, т. II, стлб. 48, см. также стлб. 102, 111, 272.

²⁹ НПК, т. III, стлб. 349.

³⁰ НПК, т. II, стлб. 527.

робьи, а сена косит 20 копен, пол-обжи; а дохода не шло: сел пово».³¹ Тут повоцрибылое хозяйство уже располагает окультуренной пашней (около 2 дес. в озимом поле), но еще пользуется льготой и не участвует в уплате повинностей, хотя и положено уже в обежный счет. Вариант той же записи: «Починок Ракитино на р. на Рокитне: двор Гридка Ивашков, сосед его Демешка, сеют ржи 2 коробьи, а сена косят 20 копен, пол-обжи, а доходы с них нейдет, сели ново на лготе».³²

3. «Починок остров Хоромина: двор Савошко да Лучка Ермолины, сеют ржи 3 коробьи, а сена косят 10 копен, обжа; а дохода с него нет: сидит на лготе».³³ Здесь новоприходец успел уже завести нормальное по размерам хозяйство (около 3 дес. в озимом поле). Его хозяйство положено в обжу, что соответствует обычному обложению старинных крестьян. Однако льготные годы еще не прошли и хозяйство не платит пока повинности.

4. «Починок Омелово: двор Вахрумей да Захар Семеновы, пашни коробья, сена 100 копен, пол-обжи».³⁴ Здесь двор положен в обежный счет и участвует в отбывании повинностей. В волостке, кроме починка, была деревня, положенная в обжу. Владелец брал как с починка, так и с деревни полове из хлеба, «а ключнику доходу 4 деньги». Половые — очень тяжелая форма издоля. Но в данном случае крестьяне имели относительно много сенных угодий, к тому же волостка расположена возле Новгорода и близ отличных рыбных угодий. Таким образом, повинности с починка нельзя оценить как очень высокие. Починок, в котором жило 2 семьи, имел всего 1 дес. озимой ржи, тогда как в находившемся тут же дворе старинного крестьянина жила 1 семья, имевшая около 4 дес. озимой ржи и платившая соответственно в четыре раза более высокий, чем починок, оброк издолям.

Во многих случаях починки участвуют в отбывании повинностей вместе со старинными деревнями. Но владея значительно меньшим количеством окультуренной пашни, чем эти последние, починки тянут повинности с относительно меньшей доли обжи и платят относительно меньше расположенных рядом с ними деревень. Есть немало фактов, когда на двор в починке приходится в $1\frac{1}{2}$ —2 раза меньше пашни, чем на деревенский двор, и когда двор починка положен в пол-обжи, тогда как деревенские дворы старинных крестьян положены каждый в обжу.³⁵ А бывают случаи, когда 2 и более починка тянут с полуобжи, тогда как большинство дворов в волостке тянут с целой обжи каждый.³⁶

Когда жители починка сравнивались со старинными крестья-

³¹ НПК, т. III, стлб. 42, т. II, стлб. 490.

³² НПК, т. III, стлб. 700.

³³ НПК, т. III, стлб. 117.

³⁴ НПК, т. IV. СПб., 1886, стлб. 9.

³⁵ НПК, V, стр. 273, 234, 139 и др.

³⁶ НПК, IV, стр. 214; V, стр. 253.

нами в размерах окультуренной и учтенной пашни, когда они сравнивались со старинными крестьянами и в размерах повинностей и, таким образом, сами становились старинными крестьянами, исчезало определение их селений как починка. Поэтому в писцовых книгах конца XV—начала XVI в. почти никогда не фигурируют упоминания починков старого письма. Починки, по старому письму, несомненно учитывались, но ко времени нового письма они уже назывались деревнями. Можно отметить любопытный случай, когда слово «починок» удерживалось в названии поселения, которое писец характеризует как деревню — «Деревня Волмоса починок».

Количество населенных пунктов и тем более дворов, возникших между старым и новым письмом, намного превышало число починков.³⁷ И это объясняется не только переводом починков в разряд деревень по истечении льготного срока. Некоторые новые поселения, очевидно, сразу числились деревнями и не пользовались льготами. Так могло быть при разделе дворов зажиточных крестьян.

Но экономическое положение новоселов, прежде всего крестьян, заводивших починки, было обычно более слабым, чем экономическое положение старожильцев.³⁸ Льготы, которые они получали, были совершенно необходимы, чтобы поставить хозяйство на ноги. Сокращенное пожилое новоприходцев соответствовало меньшим возможностям их хозяйства. У нас нет никаких оснований говорить о большей свободе новоприходцев, севших на владельческую землю, по сравнению со старожильцами, о более легких условиях их перехода с места на место. Однажды порядившись к господину в крестьяне, новоприходец попадал в такую же зависимость от него, как старинный крестьянин. Новоприходец в период Судебников отличался от старожильца в экономическом отношении, но у нас нет оснований противопоставлять в юридическом отношении исстари живущих и привлеченных путем договора крестьян, как это делал Б. Д. Греков.³⁹

Пожилые нужно было платить в тех случаях, когда уходил дворовладелец; пожилые платили дворы. Отсюда следует, что когда уходили от отцов дети и от «дядь племянники», а двор оставался жилым, пожилые не выплачивались. Это обстоятельство следует учитывать, когда рассматривается вопрос об источниках пополнения феодального хозяйства рабочей силой. Если семьи новоприходцев превращались в семьи старожильцев, то

---

³⁷ Починками называли селения, которые возникали «на поле», но встречаются «починки на пустоши» (НПК, т. II, стр. 761). Очевидно, здесь речь идет о запустевших участках, успевших зарости лесом.

³⁸ По подсчетам, произведенным З. А. Тимошенко по писцовым книгам Старорусского уезда 1539 г., на один починок приходилось в 2,4 раза меньше пашни, чем на однодворную деревню.

³⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 545.

и из семей старожильцев выходили новоприходцы. Это обстоятельство также не позволяет резко противопоставлять две категории сельского населения в XV—первой половине XVI в.

Характеризуя Судебник 1550 г., Б. А. Романов и И. И. Смирнов отмечали консерватизм этого памятника и его близость к Судебнику 1497 г. Это наблюдение относится и к статьям о крестьянском отказе. Царский судебник уточняет понятие «двора» и понятие «в полах», но сохраняет право перехода и пожилое. Размеры пожилого увеличиваются на 2 алтына («в лесех» — на 12%, «в полах» — на 6%). В результате изменения веса серебряной деньги, происшедшего в 1530-х годах, количество серебра в ней тоже сократилось на 12,8%,⁴⁰ но этому обстоятельству нельзя придавать существенного значения. Для нас важен реальный курс денег.

Обращает на себя внимание тот факт, что денежные оценки Судебника 1550 г., как правило, несколько не изменились по сравнению с Судебником 1497 г. Это относится к судебным пошлинам, которые получали окольные, дьяки, подьячие, печатники и другие представители великокняжеской администрации. Особенно показательно сопоставление указа «о езде», где определяется размер прогонных при посылках из Москвы в разные города государства. Размеры прогонных остаются неизменными. Если бы средние цены на хлеб и другие предметы потребления поднялись в первой половине XVI в. существенно, прогонные не могли бы остаться на прежнем уровне.

Но в XVI в. были годы, когда то в одном, то в другом районе хлебные цены подскакивали разительно. Об этом можно судить по труду А. Г. Манькова, который показал, что уже в конце 1540-х годов на Двине рожь продавалась по ценам, во много раз более высоким, чем новгородские цены начала XVI в.⁴¹ Тот же труд А. Г. Манькова и дополнительные разыскания Г. В. Абрамовича говорят о том, что после издания Судебника 1550 г. цены на хлеб колеблясь повышались.⁴² В результате снижался реальный вес пожилого. И происходило это как раз в те десятилетия второй половины XVI в., когда у крестьян появились дополнительные стимулы к уходу с насиженных мест, когда число пустых дворов и деревень возросло в огромных, временами катастрофических размерах. При таких обстоятельствах пожилое уже никак не могло компенсировать землевладельцам ущерб от переходов. Это обстоятельство должно учитываться при изучении проблем крестьянского закрепощения.

⁴⁰ Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов. Русская метрология, стр. 144.

⁴¹ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.—Л., 1951, стр. 104—108.

⁴² Г. В. Абрамович. Новые источники по истории хлебных цен в России XVI в. История СССР, 1968, № 2, стр. 116—118.